

ВСЯ ЖИЗНЬ УХОДИТ НА ТО,
ЧТОБЫ НАУЧИТЬСЯ ЖИЗНИ

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Сарафанное
радио

Между нами, девочками. Истории Натальи Нестеровой

Наталья Нестерова
Сарафанное радио

«Издательство АСТ»

2010, 2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Сарафанное радио / Н. Нестерова — «Издательство АСТ», 2010, 2021 — (Между нами, девочками. Истории Натальи Нестеровой)

ISBN 978-5-17-137420-4

От слов «Я маленькая, черненькая и очень хорошенькая. Мне нужен друг, которого я буду любить преданно и верно. Я буду всегда встречать его радостно и весело. А за конфетку я даже готова постоять на задних лапках!» до слов «Не будите во мне начальственного зверя. Он и так не высыпается» всего один шаг, одна женская судьба, одна смешная, романтическая или грустная история. В юности нам кажется, что тридцатилетний рубеж – ворота в старушечью обитель. А ведь тут-то как раз и начнут кипеть настоящие страсти! В лифте бушует педагогическая поэма, в дверь ломятся влюбленные сантехники, бухгалтерский отдел превращается в брачное агентство, а нелепая соседка-сплетница оказывается вдруг ангелом-хранителем... Ведь жизнь самого обычного человека – это чудо, удивительное и неповторимое! Ранее книга издавалась под названием "«Конкурс комплиментов» и другие рассказы от первого лица".

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137420-4

© Нестерова Н., 2010, 2021
© Издательство АСТ, 2010, 2021

Содержание

Лотерея	6
Объявление в газете	16
Сантехника	20
В лифте	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Нестерова

Сарафанное радио

© Н. Нестерова, 2021

Все права защищены

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Лотерея

Не знаю, существуют ли типичные мужские ночные кошмары, но женские точно есть. Всем моим подругам периодически снится, что они вышли из дома, не надев юбку или блузку. Мои мама и бабушка ходили в школу в коричневых форменных платьях и фартуках. Десять лет со стойким упорством их преследовали ночные кошмары, будто вызвали на уроке к доске, а они не могут повернуться спиной к классу, потому что забыли платье надеть и только фартук прикрывает спереди наготу.

Во времена моего счастливого детства школьную форму отменили, но изощренные ночные страхи остались. Например, у меня был замечательный костюмчик – юбка в красную с синим клетку, белая манишка и красный жакетик. В повторяющемся сне я щеголяла в юбке и манишке, напоминавшей слюнявчик младенца, а жакетик куда-то улетучивался.

Снятся ли мальчикам, юношам, мужчинам, что они оказались на людях в галстук и без штанов? Не знаю. Но любые ночные кошмары всего женского населения планеты меркнут перед тем, что произошло со мной в реальности.

Расскажу по порядку, как я докатилась до чудовищного позора. Оправданием служит то, что я испытала глубокое эмоциональное потрясение. Заранее предупреждаю, что буду говорить долго, издалека. Во-первых, чтобы совершенной дурой не показаться. А во-вторых, я не умею четко и быстро излагать свою мысль. Если я начинаю рассказывать, как покупала рыбу, то сначала объясню преимущества океанической и речной, потом поведаю о соотношении цены и качества на рынке, потом – насколько меня пытался обвесить и обсчитать продавец... «Лена, короче!» – стонут слушатели.

Короче. Я работаю в бухгалтерии крупного издательского дома, выпускающего три газеты и пять журналов для невзыскательной публики. Всего в бухгалтерии семь человек, включая двух мужчин – главного бухгалтера Дим Димыча и его заместителя Стасика, отвечающего за валютные операции. Коллектив у нас дружный и теплый, спаянный женской солидарностью в заботе о горемычном начальстве. Жена Дим Димыча на старости лет (им уже за сорок перевалило) чокнулась на диетах. Мы его подкармливаем: на этапе сыроедения таскали из дома в термосах борщи и котлеты с картофельным пюре; в период раздельного питания угощали бутербродами с толстыми ломтями сыра и ветчины; на углеводной диете (он уже видеть макароны не мог) отбивные с кровью умудрялись стряпать в микроволновке, а на безуглеводном этапе вся бухгалтерия бросилась печь торты и пирожные. Для нас радость и умиление смотреть, подперев кулачками щеки, как Дим Димыч аппетит утоляет. В иные дни столько блюд притащим, что приходится с журналистами делиться, они вечно голодные.

Стасик у нас тоже неблагополучный. Он с детства вундеркинд, как бы не от мира сего, поэтому в женщинах не разбирается, а корреспондентки липнут на него, как мухи на клейкую ленту. Мы вначале промашку допустили, не уберегли Стасика, его в ЗАГС затащили. Брак длился полгода и закончился плачевно: супруги в больницах оказались. Жена – в психушке, а Стасик от аллергии неясной этимологии лечился.

Теперь стоит кандидатке в Стасиковы невесты на горизонте появиться, мы данные о ней собираем, в бухгалтерию заманиваем и в пять плоток мозга вправляем.

– Вы, девушка, со Станиславом Игоревичем в последние две недели встречаетесь?

– А вам какое дело? – огрызается претендентка.

– Нам безразлична судьба руководителя, да и ваша, голубушка, тоже.

– Обойдемся без трогательной заботы, – усмехается.

– Ошибаетесь. И ведь не впервые? Вы уже имели тесные отношения с менеджером отдела распространения и с сотрудником юридической службы.

– Шпионите? Это бухгалтерия или полиция нравов? – Все еще марку держит, иронизирует. Головой крутит, а поди уследи, когда мы по очереди говорим.

– Также известно, что у вас есть ребенок от неустановленного лица с прежнего места работы в правительственной газете.

– Он с мамой в Вологде живет. – Спеси поубавилось.

– Дети – это прекрасно, ваш большой плюс. Но! Сейчас речь идет о Станиславе Игоревиче. Вы утаили от него факты вашей бурной биографии и выставили себя непорочной девственницей.

– Откуда вы знаете?

Мы не станем делиться методами разведки и допросов, с помощью которых умеем вытрясти из Стасика любую информацию, и оставляем этот и последующие вопросы «невесты» без ответов. На разные голоса мы описываем особенности характера Стасика.

– Вы полагаете, что он вас ласково называет Зайкой от великой нежности? Он так зовет всех женщин, включая стопудовую редакторшу журнала «Модный силуэт». Станислав Игоревич не способен запомнить ни одного женского имени, у него голова другим забита.

– Не рассчитывайте на его большую зарплату, он в долгах как в шелках. А деньги тратит на сумасшедшие проекты и пожертвования. Последнюю премию, например, перечислил в фонд борьбы с арахнофобиями. Как? Вы не знаете, что это такое? Боязнь паукообразных. Девушка, ваш интеллектуальный багаж оставляет желать...

– Станислав Игоревич почти гений и потому требует в быту внимания как умственно отсталый. Ему нужно напоминать про чистку зубов и пользование расческой. Он не заправляет кровать, не моет посуду, теряет счета за квартиру, электричество и телефон. Спалил шесть чайников и кастрюль без счета. Он принципиально не выводит тараканов и ставит опыты на домашних мышах и крысах. Девушка, вам понравится, если по постели ночью будут бегать крысы?

– В качестве жены вам придется следить за тем, чтобы он ходил в носках одинакового цвета и не пользовался галстуком вместо носового платка.

– Учтите, он не способен вести диалоги на темы, его не интересующие. Будьте готовы к общению с мумией, витающей в облаках.

Как правило, претендентки не сдаются после первого разговора. Они подозревают нас в корысти, будто мы сами хотим лакомый кусочек отхватить. Корысть, действительно, имеется, но совершенно другого свойства. Стасик выполняет недельную работу на своем компьютере за полчаса, а остальное время бродит по Интернету или играет в игры. Если точно рассчитать момент, когда он последний раз победно ударит по клавише, и подвалить к нему с просьбой, то Стасик живо откликнется: «Зайка, помощь нужна?» – и с фантастической скоростью сделает за тебя работу, что позволит честно просить премию и отгулы.

После того как возмущенная невеста хлопает дверью бухгалтерии, мы пожимаем плечами: ее, глупую, предупредили – и связываемся с мамой Стасика. Контакт с Раисой ной у нас постоянный и теплый. Она души в нас не чает за заботу о непутевом сыне, а мы в ней – за материнский подвиг при нутом отпрыске, которого она в детские и юношеские годы водила в спортивные секции, сформировала ему здоровое красивое тело, очаровывающее теперь корреспондентов.

Во втором действии пьесы Раисе Никитишне предстоит, во-первых, съехать с квартиры, пожить у родственников, позволить насекомым и мышам свободно плодиться; во-вторых, выкрасть и спрятать паспорт Стасика. Редкая претендентка выдержит, пока забывчивый и рассеянный Стасик совершит необходимые действия по получению нового паспорта, как-то: сфотографируется и вспомнит, в каком именно ателье, заплатит штраф, налог и стоимость новой книжицы в сбербанке, семь раз побывает в паспортном столе, работающем в разные дни по разным графикам; отстоит длинные очереди, не запутавшись «кто за кем стояло».

Как правило, к моменту получения нового документа Раиса Никитишна, вооруженная средствами химической борьбы, возвращается домой. А мы заключаем пари: будет претендентка обходить бухгалтерию стороной или заявится с покаянной бутылкой коньяка и страшными рассказами о Стасике. Почему-то «невесты» действуют только по двум указанным схемам.

Короче, наша бухгалтерия ударно трудится, мудро руководимая вечно голодным Дим Димычем на одном полюсе и требующим постоянного присмотра Стасиком на другом. Раз в году, восьмого марта, они устраивают нам большой праздник. Мы заранее гадаем, что подарят, и никогда еще не попали в точку. Известно только одно – никаких жалких мимоз в целлофане. Роскошный букет каждой, плюс ценный подарок, плюс сюрприз. Букеты и подарки влетают в копеечку, но мы, как ни искали, не нашли, по какой статье их проводят. Только асы бухгалтерского ремесла могут так замаскировать расходы, что комар носа не подточит. Неужели на свои, кровные, покупают?

Нынче нам подарили не просто букеты или икебаны в тарелке, а корзины цветов – точно балеринам на премьере. Ценные подарки представляли собой небольшие мраморные скульптуры под античные и на подставках, от которых тянулись электрические шнуры. Когда мы включили своих венер в сеть, то зрелище получилось совершенно захватывающее. Срочно вызвали фотокорреспондента и потребовали запечатлеть нас рядом и на фоне. Забегая вперед, скажу, что снимки в итоге получились жутковатыми: будто странное мини-кладбище с цветами, надгробными памятниками и счастливыми женскими лицами. Но за этот сюр фотокор премию на конкурсе потом получил.

В прошлом году сюрпризом были хокку – японские трехстишья без рифмы, но с философским содержанием. Их то ли подбирал, то ли сочинял, конечно, Стасик. Мы долго расшифровывали свои хокку, большей частью безуспешно. Например, одна наша сотрудница выгодно поменяла квартиру. Ей досталось:

*Дрожат у коня на хвосте
Капли росы
Утри свои слезы.*

Может, Стасик перепутал, как водится, и эта хокку предназначалась другой женщине, у которой муж зачастил на родительские собрания и в итоге сбежал к учительнице первого класса?

Или вот еще другая девушка, не только побывавшая на съемке передачи «Поле чудес», но и столкнувшаяся в Останкине с кудрявым поп-кумиром, который ей, остолбеневшей, бросил мимоходом: «Привет! Как дела?» Перепутал с кем-то, обознался. Но она рот открыла от счастья и только через десять минут закрыла, когда кумира уж и след простыл. И при чем здесь, скажите:

*Младенец плачет,
Красива роза
В шипах сокрытых.*

Между тем у нас есть одна женщина, которая родила ребенка (младенец – чудо! Три шестьсот весом, и щечки как яблоки аппорт). С внуком бабушка сидит, молодая мать вышла на работу, сцеживала молоко постоянно. Один раз смех был! Входит в комнату верстальщик, чашка в руках.

– У вас молочком нельзя разжиться? – спрашивает. – Не могу черный кофе пить, только с молоком.

– Пожалуйста! – говорим. – Вон там за сейфом.

А за сейфом сидела молодая мать и сжеживалась. Верстальщик как увидел, так рванул из бухгалтерии, только пятки сверкнули. Потом ему в магазинном пакете сливки отнесли. Не взял, испуганно головой крутил.

Все время я отвлекаюсь. Иначе не получается, ведь жизнь не анкета, не тест, а роман и даже анекдот.

Чтобы с хокку покончить, которые нас до танку довели (пятистрочный предшественник хокку, маленькая и изящная поэма, насыщенная глубоким смыслом), упомяну мне посвященное:

*На мокрой ветке
Птица сидит одиноко,
А ты видишь только дождь.*

Мы на всех примеряли – никому не подошло, хоть и выглядит универсально. Обидно, право.

Но это прошлый год. А нынче в качестве сюрприза, в добавление к цветам и статуэткам электрическим, были лотерейные билеты, вернее – корешки от билетов. Дим Димыч сказал, что Стасик изучал систему, понял особенности, заполнил билеты, и кто-то из нас обязательно станет обладателем супервыигрыша.

Мы пылко поблагодарили, но больших надежд не питали. Стасик, конечно, гений, но не до такой степени!

Розыгрыш лотереи состоялся в конце марта, в горячее время квартального отчета. Как всегда после зарплаты нарисовался сутяга, зануда и вообще мерзкий тип Адам Амуров. Ему постоянно кажется, что мы его обокрали, обсчитали, взяли лишние налоги. Словом, недоплатили. Расчет зарплаты – моя сфера обязанностей. Амуров – автор постоянной рубрики «Наука любви» в журнале для подростков. Та часть нашего коллектива, которая имеет детей-старшеклассников, Амурова ненавидит, потому что ни в какой подворотне не услышишь того, о чем поведает Амуров. У меня с ним личные счета.

Творческая лаборатория Амурова оригинальностью не отличается: он сам сочиняет письма в газету и сам же на них отвечает. Однажды «к нему пришло письмо» от девушки Лены, которая работает в бухгалтерии, хороша собой и страдает, потому что в свои двадцать лет еще не познала радости плотской любви. В ответе Амуров лихо разобрал так называемый комплекс девственности и дал советы, за которые его бы следовало побить отцам взрослых дочерей. В редакциях почему-то дружно решили, что я и есть та самая мученица-девственность с комплексом. Журналистки хихикали за моей спиной, а журналисты-совратители двинули на меня широким фронтом. По электронной почте они слали мне письма, смысл которых сводился к утверждению: тебе со мной понравится! Пока писали безусые практиканты, я усмехалась, когда подключились разведенные и женатые бабники, мне стало не до смеха, а получив недвусмысленное послание от начальника экспедиции толстопузого шестидесятилетнего коротышки, я разревелась.

Стасик, выяснив, что я рыдаю не по покойнику и оплакиваю собственную жизнь, а не судьбу героини очередного женского романа, в два счета решил проблему. Он разослал всем моим «корреспондентам» послания одинакового содержания, в котором говорилось, что я благодарна за внимание и готова рассмотреть предложение, как только получу из кожно-венерологического диспансера результаты анализов. Поклонники присмирели.

Короче, Адам Амуров (настоящая фамилия Криворылов очень ему подходящая) потребовал пересчитать выплаты. Я мысленно натянула на лицо железную маску и застучала по калькулятору, объясняя Амурову-Криворылову каждое арифметическое действие. Мы с ним не

сошлись на восьмидесяти трех копейках. Амуров принялся вопить и обвинять меня в непрофессионализме. Железная маска дала трещину, я достала из кошелька металлический рубль и положила перед ним:

– Возьмите!

– Дело не в копейках, а в принципе! – разорвался великий журналист. – Вы меня оскорбляете! Вы меня унижаете!

Маска окончательно сползла, я изобразила крайнее удивление:

– Оскорбляю? Помилуйте! Вот если бы я распространяла слухи, что вы страдаете органической эректильной дисфункцией, от которой безуспешно лечились всеми возможными методами, вплоть до протезирования, тогда конечно. Но вы ведь не страдаете? Все люди врут?

Амуров онемел от возмущения. Правда, ненадолго.

Замечу в скобках, что у меня бабушка медицинский работник, с пеленок читала мне справочник фельдшера – мечтала, чтобы внучка врачом стала. А когда я подросла, бабуля мне книги по сексопатологии подсовывала – боялась, как бы с извращенцем не связалась. Вот я этих мудреных терминов и нахваталась.

– Чем-чем он страдает? – слышались вопросы моих коллег.

– Она, – вскочил на ноги Амуров и ткнул в меня пальцем, – эта вертихвостка, меня импотентом обозвала!

Девушки прыснули.

– Я этого так не оставлю! – кричал Амуров-Криворылов. – Буду жаловаться вашему руководству! Где главный бухгалтер?

Он побежал кляузничать к Дим Димычу, а я – к Стасику просить о защите.

Выслушав меня, Стасик заметил:

– Этого певца «Камасутры» давно следует проучить.

Повернулся к компьютеру и что-то отстучал на клавиатуре. Когда из принтера выполз листок, Стасик взял его, поднялся из-за стола:

– Пошли к Дим Димычу. Потупь глаза, изображай раскаяние.

В кабинете главбуха разыгралась уморительная сцена. Мы застали конец гневного монолога Адамова. У Дим Димыча лицо было, как при зубной боли.

– Господин Криворылов! – заговорил Стасик. – Позвольте вас уверить, что за свой проступок Елена Васильевна будет наказана самым строгим образом! Ей будет объявлен выговор! Строгий выговор! Примите наши соболезнования! А Елена Васильевна сейчас перед вами извинится. Не так ли? – Он строго посмотрел на меня и незаметно подмигнул. – Простите, пожалуйста! – пропищала я голосом маленькой девочки. – Я больше не буду!

Амуров еще немного попытлся и ушел. Стасик положил перед Дим Димычем листок:

– Подпишите!

– Что это?

– Приказ о выговоре.

Дим Димыч вчитался и заерзал на стуле:

– А не слишком это? Мужская солидарность...

– Вы хотите быть солидарным с мерзавцем Амуровым или со своими сотрудниками, которых он ославляет почему зря? – перебил Стасик.

Дим Димыч поставил подпись.

Я ничего не понимала, пока Стасик не протянул мне бумагу:

– Шлепни печать и повесь на доску для приказов!

О! Это была бомба. В приказе мне объявлялся строгий выговор, только послушайте: «... за неэтичное поведение и разглашение врачебной тайны интимного характера, касающейся состояния здоровья Криворылова Александра Петровича!» Теперь только ленивый не интересуется «тайной» Криворылова.

Легкие угрызения совести: все-таки нехорошо бить человека ниже пояса – я подавила, напомнив себе, что идея осмеять мужские достоинства журналиста принадлежала Стасику. А меня хорошо было выставить перед всем честным народом комплексующей девственницей?

Вернулась в общую комнату, меня встретили с ликованием: «Пляши! Беги за шампанским! И тортом! Вот счастье привалило!» Коллеги вскочили с мест и бурно меня приветствовали.

– Еще рано в литавры бить, – выразила я сомнение. – Неизвестно, как Амуров отреагирует.

– При чем здесь Амуров? Ленка! Твой билет в лотерею выиграл. Миллион рублей! На всех делим! – напомнили мне уговор.

Не знаю, как другие реагируют на обрушившееся с неба богатство, но я почему-то заверещала поросенком и стала подпрыгивать на месте. Мой визг сработал вроде резонанса, и через секунду уже пять женщин вопили и скакали. На шум прибежали Дим Димыч и Стасик. Застыли на пороге, пораженные картиной коллективного безумия. Наша радость была столь велика, что мы бросились качать Стасика. То есть попытались подбрасывать его в воздух, как делают с чемпионами, но уронили на первой же попытке. Дим Димыч попятился спиной к двери.

– Девочки! – бормотал он. – Спокойно! Главное – спокойствие.

– Сойдите с меня! – просил валявшийся на полу Стасик. – Ой, больно! Не бегайте по мне! – уговаривал он женщин, бросившихся через его тело к Дим Димычу с объятиями, благодарностями и поцелуями.

На этом бравурная часть счастливого события была завершена. Далее меня попросили показать корешок выигравшего билета.

– А где он? – спросила я, с ужасом сознавая, что не помню, куда миллион положила.

Такой уборки и наведения порядка наша бухгалтерия никогда не знала. О квартальном балансе было забыто. Мы проверили каждый стол, ящик, полку, каждую папку перетрясли. Обнаружили две золотые сережки (одна нашей, другая неизвестной растеряхи), двадцать семь закатившихся шариковых ручек и семь тюбиков губной помады, один кошелек с купюрами старого образца, непечатую бутылку коньяка, десяток заколок для волос, упаковки с колготками, с прокладками, с окаменевшими конфетами – словом, массу полезных вещей и хлама. Мой стол, а также сумка и карманы, естественно, обследовались многократно и особо тщательно. Корешка не было.

Мы подавили вялое сопротивление начальства и устроили обыск в их кабинетах. В сейфе у Дим Димыча хранился большой ассортимент рыболовных крючков и прочих снастей. В ящиках стола – черствые пироги и недоеденные бутерброды. У Стасика (кто бы мог подумать?) документы содержались в идеальном порядке. Я предполагала найти какое-нибудь свидетельство его бурного успеха у корреспонденток, вроде стратегического запаса презервативов, но неожиданно вытащила собственную фотографию.

Так боялась не найти заветный миллион, что даже не задумалась, почему мое фото оказалось у Стасика. И была настолько зла на свою неорганизованность, что в качестве мести черным маркером нарисовала себе жирные усы.

Оставалась еще возможность, что корешок выигравшего билета находится у меня дома. Подруги велели не приходить завтра на работу, пока не найду пропажу.

Лучше бы я не говорила своим домашним, что выиграла гору денег! Мама тут же принялась мечтать о пристройке к даче, папа радостно планировал покупку автомобиля, а бабуля по телефону требовала, чтобы все деньги положили в банк под проценты на мое приданое.

Когда я проямлила, что есть одна загвоздка, корешок потерялся, родители тут же принялись за поиски. Мы всю ночь обыскивали нашу квартиру. Действовали тщательнее, чем следователи в доме подпольного миллионера. Бабушка звонила каждый час: нашли? Потом она приехала. На такси! Второй раз в жизни. Первый раз такое с ней случилось, когда я получила

травму в метро. Шпилька каблука застряла в ребристой ступеньке, я упала на выходе, на меня с воплями и проклятиями валился и наслаивался народ, пока не остановили эскалатор. Короче, бабушка забрала меня из медпункта с переломом ноги и множественными синяками.

К пяти утра мои родные перестали спорить, на что потратить деньги. В разгромленной квартире они обессиленно свалились на диваны и принялись перечислять мои недостатки. Растяпой, оказывается, я была от рождения, чему свидетельством многочисленные примеры из моего детства и юности. Я расплакалась от обиды и на свою растяпистость, и на маму с папой, которым так хотелось незаработанных денег.

– Лотерея – дьявольский соблазн, не Божье дело, – выступила на мою защиту бабушка. – В качестве приданого я готова отдать Лене свою однокомнатную квартиру, к вам перееду.

Папа застыл с открытым ртом. Мама осуждающе толкнула его локтем в бок и сказала, что приданое – это пережиток прошлого. Папа обрел дар речи и пригрозил мне:

– Только попробуй нищего без жилплощади привести!

На следующий день, после короткого и тревожного сна, мне страшно было идти на работу, увидеть разочарованные лица подруг, услышать повторные обвинения в преступной расхлябанности. Поэтому с утра я отправилась в бассейн.

Я уже подбираюсь к рассказу о моем страшном позоре – основной теме данного опуса, но опять вынуждена сделать отступление. Потому что в детстве я чуть не утонула в мелкой речушке возле нашей дачи. Меня вытащили деревенские мальчишки, у которых, наверное, в школе отлично преподавали физику. Пока я извергала из себя воду, они рассуждали о том, что центр тяжести у девочек – из-за отсутствия важного органа в нижней части тела и наличия двух добавочных в верхней – смещен, и они (девчонки) поэтому бултыхаются вниз головой.

Вследствие физического несовершенства и утопления у меня выработалась жуткая водобоязнь. Я пила компот, зажмурив глаза, отказывалась умываться и чистить зубы. Чтобы затолкнуть меня, упирающуюся руками и ногами, в ванну, собиралась вся семья.

Мой папа не гомеопат, а прораб, но придерживается принципа лечения подобного подобным. Процесс «выпил-опохмелился» у него иногда затягивается на недели. Из запоя его выводит бабушка. Она работает медсестрой в проктологическом отделении больницы, то есть ловко и умело ставит клизмы. По зову мамы бабушка приезжает со своим оборудованием решительно настроенная на очищение папиного организма. Он баррикадируется в спальне, но через некоторое время выбрасывает белый флаг. Кричит из-за двери:

– Все! Я завязал! Обещаю! Уведите тещу!

Короче, папа отвел меня в бассейн. Первое занятие, сорок пять минут, я простояла по пояс в воде, вереща так оглушительно, что у всех заложило уши, и свистка тренера было не слышно. Поскольку голос я сорвала, то на втором занятии мои хрипы уже не вызывали эха в гулком зале, а дети показывали на меня пальцем и смеялись. Папа дежурил у бортика и пресекал мои попытки выбраться из лягушатника. Через неделю я смирилась, через две рискнула лечь животом на воду, через месяц научилась плавать.

Водобоязнь превратилась в страстную водо-любовь. В прошлой жизни я, наверное, была существом с жабрами, потому что водную стихию воспринимаю как родную. Для меня нет лучшего отдохновения, чем плавать, нырять или просто киснуть в воде. В спортивной группе я не задержалась только по причине того, что фигуры девочек-пловчих из старшей группы разительно отличались от моего абсолютного идеала – куклы Барби. Спорт я бросила, но с плаванием не рассталась – при любой возможности бегу в реку, озеро, пруд. У меня годовой абонемент, позволяющий в любое время посещать открытый бассейн.

И в то злополучное утро я отправилась в бассейн растворять свои горести и несчастья. Решила себя хорошенько умотать, чтобы физическая усталость заглушила эмоции. Поставила личный рекорд – проплыла три километра с максимально возможной скоростью. Последний километр – на пределе возможностей. Как только не утонула? Лучше бы утонула!

В душ шла – меня точно пьяную раскачивало. В раздевалке... Надеть мне нужно было, кроме белья, брюки, кофточку и куртку легкую. Кофточку я пропустила... Почему-то затолкала ее вместе в мокрый полотенцем в рюкзак. Но куртку надела. И на том спасибо!

Как назло, в тот день наступило лето. Весна в Москве (заметили?) подкатывает медленно, капелями пробивается. А лето всегда падает с неба солнечной жарой. Короче, куртку я сняла на подходе к работе, к нашему зданию.

Вы спросите: как это можно не заметить, что ты полуголая, что у тебя выше талии только лифчик кружевной? Отвечаю: можно! Если вы испереживаетесь из-за утеранных миллионов, если вас мама с папой обругают, если вы боитесь, что коллеги подумают, будто вы присвоили общий выигрыш, если вы проплывете в хорошем темпе три километра... И даже взглядам, которые бросали на меня встречные люди, пока я пересекала вестибюль, поднималась по лестнице, шла по коридорам, я не придавала значения. На меня давно так смотрели! Я же девушка с комплексом! Да еще вчера приказ появился, где фигурировала моя фамилия. У меня нет дефектов зрения и, опустив глаза, да просто боковым зрением, я должна была видеть, что на мне только нижнее белье. Но не видела! У меня перед глазами стоял злополучный корешок билета, а в мозгу прокручивались пути выхода из тупика.

Не заходя в свою комнату, я постучалась к Стасику.

– Можно к тебе? Надо поговорить.

Он кивнул. Я вошла и села на стул напротив него. Стасик вдруг покраснел, как вареный рак.

– Жарко, – понятно кивнула я. – Лето наступило. Надо попросить, чтобы включили кондиционеры.

Стасик пробурчал что-то неразборчивое. На меня не смотрел, чиркал на бумаге карандашом. А я принялась уговаривать его повторить подвиг-фокус с лотерейными билетами.

– Сама их куплю. Ты только заполни. Пожалуйста!

– Невозможно, – вяло отказывался Стасик, – то была случайность...

Я наседала, Стасик мямлил. А потом вдруг поднял глаза и заявил:

– У меня есть встречное предложение. Выходи за меня замуж, Лена!

– Зачем? – умно спросила я.

Не поняла, не въехала, о чем идет речь. Только с удивлением подумала, что Стасик уже некоторое время называет меня не Зайкой, как всех, а по имени. Обиженная на его отказ, вышла из кабинета и побрела на расправу в свою комнату.

Меня встретил дружный возглас «Ах!». Хором спросили:

– Лена, ты где была?

– У Стасика.

– Что он с тобой делал?

– Замуж звал, – горько усмехнулась я.

Усмешка застыла на моем лице, как приклеенная. Я увидела отражение в зеркале и не сразу поняла, что полуголая девица – это я сама. Мои чувства трудно описать словами. Думаю, что от полного помешательства меня спасло проверенное защитное женское средство – слезы. Я зарыдала.

Слезы у меня близко. Я легко плачу по малейшему поводу. Обливаюсь слезами над книжками, хлюпаю в кинотеатре, когда показывают душещипательные сцены, и за компанию тоже рыдаю: если у кого несчастье, кто-то рыдает, то я подхватываю. Папа говорит, что мне обязательно надо выдать месячную норму осадков.

Но я выдала полугодовую норму! И хотя на работе не раз видели мои слезы, тут все всполошились. Потому что я рыдала – будь здоров! На чемпионате плакальщиц оставила бы далеко позади всех соперниц.

Я сидела на стуле (меня уже одели), брызгала слезами, а вокруг меня суетились четыре женщины, утешали, как могли. В отдалении маячили Дим Димыч и Стасик. Я уже говорила, что у нас замечательный коллектив?

– Да сейчас мода в лифчиках ходить!

– Вспомни певиц на эстраде! Они все полуголые!

– Ну, хочешь, мы сейчас все разденемся?

– Пожалуйста, не надо! – испугался Дим Димыч.

– Алло! «Скорая»? – кричал в телефонную трубку Стасик. – Приезжайте срочно! Что случилось? У нас девушка рыдает! Какая валерьянка?..

В меня влили, наверное, три литра валерьянки.

И даже Амуров, который пришел в большом гневе выяснять отношения, увидев мою истерику, поостыл. Он решил, что меня терзает раскаяние, и милостиво изрек:

– Прощаю, Лена! Не надо плакать!

Явление Амурова вызвало у меня последний слезный залп. А потом, наверное, наступило обезвоживание, кончилась свободная жидкость. Я только икала и чувствовала себя почему-то обновленной, легкой и чистой, только очень слабой.

Домой меня вез Стасик на своей машине. Дома я оказалась после полуночи. Нет, мы с ним... ничего интимного. Не успели отъехать от работы, как я, обессиленная водным кроссом, бессонной ночью и жутким стрессом, отключилась. И проспала четыре часа, свернувшись клубочком и положив голову Стасику на колени. Машина стояла под нашими окнами, Стасик сидел, боясь пошевелиться, а я дрыхла. Очнувшись, встрепелась:

– Ой! Я долго спала?

– Минут десять.

Галантность ответа Стасика я поняла только дома, когда посмотрела на часы и выслушала гневные речи папы с мамой. Выглянула в окно. Стасик не уехал. Стоял рядом с машиной и делал физкультурные упражнения: приседал, поворачивал корпус, размахивал руками. От долгого сидения у него, наверное, тело застыло, одеревенело.

И на следующее утро Стасик за мной приехал. Если бы не он, я бы на работу не пошла, отпуск взяла или вообще уволилась. Но Стасик уговорил меня ехать трудиться. Верно заметил: только последняя негодяйка из бухгалтерии в конце квартала увольняется.

Далее началось... как бы правильнее сказать... нас со Стасиком принялись... сватать? женить? сводить? Давить на нас, обрабатывать, подталкивать, расписывать наши небывало прекрасные качества. Оказывается, все давно знали, что Стасик ко мне равнодушен. А я постоянно бегаю к нему в кабинет. Враки! Всегда по делу к нему заглядывала! Что, я виновата, что дел много бывает?

И даже Дим Димыч включился в кампанию. Начальственно изрек:

– Чтобы к концу второго квартала, к полууголовому отчету, эта проблема была ликвидирована! Какой-то шабаш свах, а не бухгалтерия!

Стасик возил меня на работу и с работы. Мы с ним веселились, обсуждая рьяные попытки сосватать нас. Но через некоторое время я поняла, что мое веселье – натужное, неискреннее. Мне тогда послышалось, что он звал меня замуж? Приснилось, сбрендило? Как обидно!

Приближался полууголовый отчет, мое томление достигло крайней степени, я решила в понедельник, после выходных, заговорить на скользкую тему со Стасиком. Как бы невзначай его спросить, он всем полуголым девушкам замужество предлагает?

К счастью, Стасик меня опередил. Не дожидаясь следующей недели, до выходных, в пятницу, около моего дома, в машине, глядя прямо перед собой, спросил хриплым голосом, безуспешно пытаясь изобразить, будто речь идет о мелочах:

– Может, нам и правда пожениться? Страсти утихнут.

Мне ничего не оставалось, как подхватить его тон, хотя душа запела, как выпущенные на волю сотни канареек.

– Разве ты выгодный жених? Все деньги спускаешь.

– Мне давно предлагают перейти в один банк. Зарплата на порядок, то есть в десять раз, больше.

– Правда? – искренне обрадовалась я. – Здорово! Поздравляю!

– Ты согласна?

– С чем?

– Сочетаться со мной законным браком.

– Нет, Стасик. Я мышей и тараканов боюсь. И терпеть не могу расхлябанных людей, сама такая. А ты – воплощение забывчивости и беспорядка.

– На самом деле, – Стасик по-прежнему на меня не смотрел, – я – жуткий педант и зануда. А беспорядком себя окружаю, чтобы с комплексами бороться.

– И бабник ты прирожденный. Будешь на сторону каждый месяц бегать.

– Информация о моей активности сильно преувеличена. Для тридцати шести лет я почти невинен. Один раз был женат, а остальное... остальное не в счет.

– Не надо! – погрозила я пальчиком. – Всех твоих пассий знаю, как облупленных! Чего одна Мария Луиза стоит!

Так прозвали заведующую отделом рекламы в одном из журналов. Крашенная вихлястая особа. Над столом у нее висит плакат с собственным фото и надписью: «Эта блондинка подобна замороженному шампанскому, которое, оттаяв, сулит много удовольствий. Франц Герре о Марии Луизе, второй жене Наполеона I». Подвигами «Марии Луизы» в размороженном виде полнится земля.

– Ничего у меня с ней не было! – возмутился Стасик. – Лена, ты мне отказываешь?

Спросил, точно речь шла о сотне рублей до зарплаты. А я, начав кочевряжиться, уже остановиться не могла. Но чрезмерное кокетство и жеманство никого до добра не довели. Повесил Стасик голову, обреченно пробормотал:

– Извини, Лена, что завел этот разговор. До свидания!

Вышел из машины, обогнул ее и открыл мне дверь. А я сижу, голову в плечи втянула. Дура-дура, хоть и полностью одета. Куда мне от своего счастья уходить? Короче...

Короче, мы поженились.

Объявление в газете

Когда слышу рассуждения о том, какой тип женщины предпочитают мужчины, только усмехаюсь. Я знаю точно! Большинство мечтает о покорных веселеньких простушках, готовых за конфетку стоять на задних лапках. Мне об этом было многократно заявлено открытым текстом!

У нас в семье есть Рада, она же Радость, она же большая черная пуделиха. Опытные собачники, когда пришло время, посоветовали «для здоровья» повязать нашу Раду, то есть выдать замуж. Результатом короткого «замужества» были пять хорошеньких щеночков.

Я, мой муж, дети – десятилетний Егор и пятнадцатилетняя Ира – все очень привязались к щенкам, расставались со щемящим сердцем. Не продавали своих любимцев, а отдавали в хорошие руки. Четверых у нас быстро забрали, а пятая девочка, которую мы назвали Милой (очень миленькая), задержалась. На нее, конечно, обрушилась любовь за пятерых. Но две собаки в доме – это слишком. Решили дать объявление в газету.

Дети вырезали купон для частных объявлений. Ира села писать текст, спросила меня:

– Можно, напишу от первого лица?

У дочери пристрастие к литературному творчеству, ящик ее письменного стола забит девичьими альбомами со стихами, цитатами и пространными рассуждениями о жизни.

– Можно, – позволила я, но предупредила: – Не забудь указать породу и что щенок подрощенный, два месяца.

Ира пропустила мои рекомендации мимо ушей, а я совершила роковую ошибку – не прочитала текст. Вечером забыла, а утром, как всегда, суматоха: дети опаздывают в школу, муж едет в командировку и никак не найдет галстук «не в крупную, а в мелкую полоску» – всех мама, то есть я, должна собрать, упаковать и отправить из дома. Хотя самой, кстати, тоже на службу надо.

Словом, объявление я не прочитала. А когда заскочила отдать его в редакцию, повезло – очереди не было. Подскочила к окошку и протянула купон с объявлением и деньги. Девушка прочла текст, посмотрела на меня странно и потребовала паспорт. Зачем-то пролистала его и на графе «семейное положение» презрительно хмыкнула.

Чтобы было понятно, текст доченька написала следующий: «Я – маленькая, черненькая и очень хорошенькая. Мне нужен друг, которого я буду любить преданно и верно. Я буду всегда встречать его радостно и весело. А за конфетку я даже готова постоять на задних лапках!» И наш телефон. О щенке и породе – ни слова! Как потом объяснила Ира, места на купоне не хватило, строчки кончились.

Через три дня объявление вышло. Прихожу с работы, дети возбуждены: у дочери румянец во всю щеку, у сына глаза подозрительно блестят. Значит, либо разбили что-нибудь, либо подрались, потом помирились, снова подрались и теперь раздумывают, сражаться или замириаться.

– Мы не ссорились, – говорят, – и ничего не разбили. Но, мама! Тут все время звонят насчет Милы, ты не могла бы отвечать?

Конечно! Да я и не доверила бы детям отбор хозяев для нашей малышки.

Звонок. Поднимаю трубку, мужской голос:

– Это по объявлению.

– Замечательно! – Я от доброжелательности буквально плавлюсь. – Как вас зовут?

Вопрос, кажется, очень простой, а мужчина замялся:

– Ну, допустим, Сергей.

– Очень приятно! А я – Татьяна.

– Давайте встретимся! – с ходу предлагает, «допустим, Сергей».

– Подождите! Вначале я хотела бы кое-что выяснить. Как вы относитесь к собакам?

– К собакам? – удивился он. – Нормально отношусь.

– Но вы хотите завести собаку? – настаиваю я.

– Как-то не думал, но вообще-то можно.

– Извините, Сергей! Очевидно, вы еще не приняли решения, а нам нужен искренне любящий хозяин, как говорится в таких случаях – «хорошие руки». Всего доброго!

Положила трубку и тут же подняла. Звонил, естественно, мужчина. Не здороваясь, с придыханиями сообщил:

– Обожаю! Я обожаю маленьких веселых брюнеточек! Мой тип!

Вступление мне не понравилось, и я осадила звонившего:

– Сейчас маленькая, но, знаете ли, вырастет до солидных размеров.

– Малолетка? Во дают! Несовершеннолетних пристраиваете?

– Мы еще ничего не даем! – сказала я строго. – И пристраиваем исключительно в хорошие руки.

– Не-е! – протянул он разочарованно. – Под статьей ходить не хочу.

– Никто и не заставляет! – обиделась я и положила трубку.

У следующего «собачника» тоже был мерзкий голос, сладкий и скабресный одновременно. И сразу он заговорил на «ты»:

– Я тебе дам много-много конфеток!

– Это – лишнее, – ответила я. – Ни деньги, ни подарки нам не нужны. Главное, чтобы щенок рос в хороших условиях.

– Щенок? Это ребенок, что ли? У тебя есть дети?

Понимая, что с этим человеком говорить не следует, я все-таки невольно ответила на вопрос:

– Есть, сын и дочь.

– Мы так не договаривались! – сказал он совершенно другим, обиженным тоном. – Дети ни к чему! Предупреждать надо! – И бросил трубку.

Телефон звонил беспрерывно. Происходило что-то неправильное, вместо щенка активно интересовались моей персоной и желали немедленно увидеться.

И вначале я не придавала этому значения, потому что очень переживала предстоящую разлуку с нашей любимицей и боялась, что она попадет к плохим людям, что мой выбор будет ошибочным. Я талдычила про любовь к собакам, а мне навязывали совсем другие отношения.

Выслушала признание какого-то юноши, явно зачитанное по бумажке. Он, видите ли, плохо сходится с людьми, особенно с девушками, последних даже боится, а с моей помощью надеется преодолеть свои комплексы.

– То есть с помощью маленького пуделя? – уточнила я.

«Стеснительный» юноша даже хрюкнул от восторга:

– О! Вы так смело говорите! Не каждый так самокритичен, то есть, ой! Извините! Маленький пудель! Это чудно и нежно!

– Прекрасная порода! – подтвердила я. – Нежности, игривости хоть отбавляй. А вы умеете ухаживать за животными? Когда-нибудь воспитывали собаку?

– Это так важно? – удивился и запаниковал он. – У меня есть овчарка.

– И еще хотите пуделя? Думаете, они сойдутся? Какой пол и возраст овчарки?

– Три года. Кобель.

– Но молодой человек! Ваша овчарка просто задавит нашу малышку, а когда Мила подрастет, кобель станет к ней приставать.

– Приставать? – переспросил он. – Мила?

– Нашу зовут Мила. Конечно, дело хозяев давать кличку. Но Мила ей очень подходит. Как в рекламе – милая Мила.

– В рекламе?

Он повторял как попугай, и я вежливо отказала.

Звонившие мужчины спрашивали, какие «у маленькой девочки» глазки и объем талии. Я честно описывала экстерьер Милы и возможную высоту в холке, когда вырастет. Я им про Фому, они мне про Ерему. Меня принимали за умалишенную и бросали трубку. Но и нам не сладострастники, а хорошие руки были нужны! Театр абсурда!

Особенно возмутил меня звонок блюстителя нравственности.

– Сука! – прошипел стариковский голос.

– Да, – подтвердила я. – Но нам больше нравится слово «девочка».

– Какая ты девочка? Клейма ставить негде! Таким, как ты, раньше забор дегтем мазали!

Шлюха!

– Хулиган! – Я нажала пальцем на рычаг и повернулась к детям: – Ничего не понимаю! Хоть бы кто-нибудь спросил о собачке! Такое впечатление, что в сумасшедшем доме маньяки прорвались к телефону.

Убрала палец с рычага, чтобы ответить на очередной звонок.

– Наконец дозвонился! – сообщил приятный баритон. – Пользуетесь большим успехом?

– Не то слово.

– Куколка, дайте всем отставку, лучше меня вам не найти! Как только прочел ваше призывное объявление, сразу почувствовал родственную душу. Нам будет вместе очень! Очень-очень хорошо! – заверил баритон.

Тут до меня наконец-то стало доходить, что в напечатанном объявлении могло быть что-то напутано, ведь опечатки – не редкость.

– Будьте добры! – попросила я. – Прочтите мне текст объявления!

– Солнышко! Он передо мной, но я помню наизусть. Раздел «Знакомства». Итак: Я – маленькая, черненькая...

И так далее, до «постоять на задних лапках за конфетку».

– Это – щенок! – завопила я.

– Отнюдь! – возразил баритон. – Я – не щенок, а мужчина в полном расцвете, сорока с небольшим лет.

– Щенок в объявлении! Мы отдаем собачку в хорошие руки!

В ответ раздался рокошующий смех.

Ужас! С первого взгляда, то есть слуха, бывают мужчины вполне нормальные, даже импозантные. А кому они звонят?

Я обрушила на дочь водопад упреков. Ира оправдывалась, что хотела как лучше, а в какой раздел объявление помещать, решают в газете. Егор ничего не понимал и требовал объяснить ему, что происходит. Мы только отмахивались: не твоего ума дело, мал еще, отстань!

И все это время телефон звонил непрерывно. Наконец я не выдержала, схватила трубку и рывкнула:

– Это не дом терпимости! Здесь нет девушек по вызову!

– Таня? – взволнованно спросил муж. – Что у вас происходит?

И тут я неожиданно брякнула:

– Как хорошо, что ты этого не слышал!

И тут же «поправилась»:

– Очень плохо, что тебя нет в такой жуткой ситуации!

Из моего нервного, сумбурного рассказа он мало что понял. Из Ирининых оправданий про «как лучше» – тоже. Потом трубкой завладел Егор и пожаловался:

– Папа! Они хотят Милу каким-то плохим людям отдать, про которых сами говорят, что те – уроды и извращенцы!

– А вдруг они домой к нам заявятся? – выхватила я у сына телефон.

– Спокойно! – сказал муж. – То есть не спокойно, а внимательно! Дверь закрыть на все замки! Командировку постараюсь свернуть. Сейчас звоню брату Леше, он к вам приедет и будет руководить ситуацией. Понятно? Дверь открыть только Леше!

Командный пункт Леши находился на кухне – там он принимал телефонные звонки. Детям я запретила приближаться, вообще выходить из своей комнаты и велела быстро ложиться спать. Потому что Лешины ответы звонившим могли нанести большой вред детской психике.

Сейчас у нас две собаки – Рада и Мила, с которой мы так и не смогли расстаться из-за укоренившегося опасения, что попадет она в плохие руки. Нисколько не жалею, напротив, очень довольны.

Когда я вижу (в цирке или у посторонних, дома у нас запрещено), как собачек просят «послужить» – покрутиться на задних лапках за вознаграждение, у меня сжимается сердце. Мне искренне жаль женщин, пользующихся спросом у мужчин!

Сантехника

Хотелось бы посмотреть на человека, который никогда не имел проблем с трубами, вентилями, смесителями и прочей сантехникой. Да и есть ли такие счастливики? Мне, например, решительно не везет на краны и сантехников – представителей крайне важной профессии.

Когда мы однажды залили горячей водой пять этажей, в том числе одну свежотремонтированную квартиру, в которой упали на пол дорожные обои, а потолок напоминал мокрую спину крокодила-альбиноса, мне долго снились водопроводные кошмары. Слесарю, который за пять секунд прикрутил трубу, выскочившую из соединения, заикающимся голосом я твердила:

– Это надежно? Точно надежно? Я вам вдвойне заплачу, только хорошо сделайте, как на космическом корабле: улетел – и никакой инженерной поддержки.

Слесарь снова выкрутил трубу горячей воды, посмотрел на нее, дунул три раза и завинтил.

– Надега! Платите!

Ушел, а я почти каждую ночь вскакивала и бежала проверять трубы...

В другой раз засорился слив в ванной. По вызову прибыл немолодой мужчина заметно подшофе.

– Собак моете? – первое, что он спросил.

– Каких собак? – поразила я. – Мы детей моем, и сами...

– Некоторые собак купают, шерсть забивается, – пояснил он. – Если животные, то другие расценки.

Я заверила, что животных у нас в квартире не имеется. Слесарь быстро, грубо, с мясом вырвал декоративную панель, которая закрывала несимпатичный бок ванны. Лег на пол и полез к трубе слива. Через несколько минут, слышу, бубнит:

– Все, хозяйка, несите стакан.

Как я рассуждала? Человек в неудобном положении тела скрючен, под ванной места мало, ему нужно какой-то засор слить, подсунуть можно только стакан. Как назло, в тот момент в доме побились все стаканы, кроме одного в подстаканнике, персонального, из которого муж любил пить чай. Придется жертвовать. С трудом выкрутила стакан из серебряного подстаканника и пошла с ним в ванную.

Слесарь уже стоял на ногах. Увидел меня, опешил, глаза вытаращил, перешел на «ты»:

– Ну, ты даешь! Пустой принесла!

Оказывается, он имел в виду стакан с выпивкой...

Но это все мелочи – разминка.

Мы переехали в новую квартиру, сделали ремонт – трубы-краны новехонькие, только из магазина. Слесарь, который их монтировал, дал гарантию и уехал на Украину, где проживает с семьей.

Через месяц началось светопреставление. Всего в квартире имелось пять вентиля – это конструкция, которая соединяет две трубы, а сверху рубильничек открыть-закрыть. Вентили оказались бракованными, сделанными из металла чуть толще фольги. Зафонтанировали они не одновременно, а по очереди, с интервалом в неделю, но случалось это обязательно поздней ночью, от двенадцати до трех.

Так мы познакомились с начальником жэковских сантехников Василием Петровичем. Он обладал чем-то, по значимости не меньшим, чем маршальский жезл, дающим право спуститься в подвал и перекрыть воду. Подчиненным Василий Петрович данное право делегировать отказывался. Мы оплачивали ночной приезд Василия Петровича на такси как с другого конца города, хотя он жил в соседнем подъезде. Василий Петрович перекрывал воду всему

подъезду (за что нас очень любили) до следующего дня, пока не приходил слесарь и не менял очередной злополучный вентиль.

Поскольку мы были «больны» на сантехнику, на регулярные ежедневные утренние визиты Василия Петровича я поначалу не обратила внимания. Хороший педиатр, например, обязательно заглянет к хворающему ребенку, когда пришел на вызов в соседнюю квартиру.

Но вот уже последний вентиль поменяли, а Василий Петрович все ходит. В восемь утра раздаст наряды на работу, а в девять звонит в мою дверь. Входит, по-свойски переобувается в тапочки, достает расческу, приглаживает волосы перед зеркалом, шагает на кухню. Его вкусы я изучила: если кофе, то с молоком, если чай, то с лимоном, если бутерброды, то с сырокопченой колбасой, ветчину не уважает, сыру российскому предпочитает швейцарский... Внешне Василий Петрович был шкафообразен, как боксер-тяжеловес, переставший выступать на ринге.

Особо подчеркну: в квартире я пребывала не одна. Муж и дети – на работе, но в наличии имелись мои мама и сестра, а также приехавшая в гости родственница. Иными словами, Василию Петровичу рассчитывать на интимную обстановку не приходилось, но он упорно заявлялся по утрам.

Возмутилась моя сестра.

– Почему к тебе повадился сантехник? – строго спросила Тамара.

– Он – не просто сантехник, – печально ответила я, – он – сантехников начальник. – И тихо добавила: – Мочалок командир.

– Какая разница? И это не первый сантехник в твоей жизни! – напомнила сестра.

Каюсь, было. Еще на старой квартире. Как-то потек унитаз, я вызвала слесаря. Он пришел, что-то резко дернул, сливной бачок стал боком.

– Менять надо ВСЕ! – вынес приговор слесарь. А потом попросил: – Чайком не угостите?

Разве откажешь человеку? Сидим, пьем чай. Один час сидим, второй пошел... Сантехник рассказывает, как в школьные годы пел в детском хоре радио и телевидения. Я киваю и внутренне переживаю надвигающуюся катастрофу. У нас семья из пяти человек, плюс сестра с мужем временно живет. Итого семеро, при неработающем унитазе – настоящее экологическое бедствие. А сантехник мне подробно репертуар детского хора описывает, кое-что даже спел...

Пришел Тамарин муж. Я бросилась в прихожую, прижала руки к груди, панически зашептала:

– Коля! Катастрофа! Бедствие! Цунами! Унитаз не работает, а сантехник на кухне песни поет!

– Почему ты его не выставишь? – разумно спрашивает Коля.

– Как я могу выгнать человека, которого угощаю? Кроме того, похоже, человеку некому душу излить, негуманно его прерывать.

– Гуманистка! – обозвал меня Коля. Заглянул в туалет, показал пальцем на унитазную конструкцию, спросил: – Какой козел бачок своротил?

– Тише! – прижала я палец к губам. – Он на кухне.

Коля распахнул дверь на кухню, осмотрел уютно устроившегося сантехника и грозно процедил:

– Подкрепился? Теперь двигай отсюда!

На обиженное сопротивление слесаря, мол, мы тут с Натальей хорошо беседуем, Коляотреагировал грубо:

– Выметайся! Мастер!

Провожая сантехника до двери, я корчила извинительные гримасы, чтобы компенсировать нанесенный моральный удар.

В случае с Василием Петровичем сестра вновь предложила услуги своего мужа Коли.

– Нет! – отказалась я. – У Василия Петровича маршальский жезл.

– Чего-чего? – удивилась Тамара.

– Штука, которой воду всему подъезду отключают. Обидим Василия Петровича, а завтра у нас смеситель полетит. Сантехников начальник станет в позу и жезл не даст. Томочка, ты, пожалуйста, не рассказывай ни моему мужу, ни своему, ни детям, что ко мне изредка каждый день сантехник ходит! Я сама справлюсь, без посторонней грубой мужской помощи, знаю, как действовать.

А действовать уже пришло время, потому что Василий Петрович решил покончить с церемониями, стал называть меня по имени, из Натальи Владимировны я превратилась просто в Наташу. Его же, соответственно, было предложено называть по-дружески Васей.

К очередному приходу Василия Петровича я готовилась по медицинскому справочнику для сельских фельдшеров. Начало визита было традиционным: звонок в дверь, тапочки, расческа, кофе, бутерброды. Забыла упомянуть о теме наших бесед с Василием Петровичем. Собственно, тема была одна – биография Василия Петровича (как и у первого сантехника – очевидно, профессиональная особенность). К моменту, когда я решила визиты прекратить, мы добрались до его службы в армии.

Уяснив, в чем заключается разница между боевой и политической подготовкой, я мягко подвела к сумме прожитых лет.

– Мне сорок исполнилось, – сообщил Василий Петрович.

– А мне – пятьдесят восемь, – с ходу прибавила я пятнадцать лет и смущенно потупилась (врать нехорошо).

Надо отдать должное Василию Петровичу: он оторопел, уставился на меня в полнейшей растерянности, из открытого рта вывалился кусочек недожеванной сырокопченой колбасы.

– Надо же, как сохранилась! – проговорил он.

Точно я была отрытой из-под земли античной статуей с минимальными повреждениями. – Это потому, что больная, – пояснила я. – На пенсию ушла по комплексу заболеваний. Больные часто внешне выглядят свеженькими, а внутри!

И принялась перечислять свои «хвори». Начала с ларингита и фарингита, подробно растолковала разницу между ними (мелкая месть за боевую и политическую подготовку) и способы лечения.

– При фарингите надо обязательно закапывать масло в нос, чтобы размягчались голосовые связки. Но только не облепиховое! Оно сушит горло! Самое лучшее – масло шиповника...

От заболеваний ухо-горла-носа я перешла к бронхотрахеиту, потом вспомнила все, что читала про эмфизему, следом настала очередь сложного комбинированного порока сердца...

Если обычно Василий Петрович видел на моем лице деликатную улыбку, я вежливо кивала в ответ на его рассказы, то теперь Василий Петрович лицеизреп «пожилую» даму в состоянии возбужденного словоизвержения. Меня несло, симптомы, диагнозы, методы лечения сыпались без остановок и пауз. Василий Петрович и междометия не мог вставить в поток моей «медицинской исповеди». Он ерзал на стуле, кряхтел, покашливал, смущенно стрелял глазами по сторонам, а меня знай несет.

Делясь своими сомнениями по поводу того, заменять ли бракованный от природы клапан в сердце на искусственный, я думала: «Экий ты, дружок, Василий Петрович, крепкий! Так мы и до женских болезней доберемся. Гинекологией я тебя точно додавлю!»

Не пришлось. Василий Петрович сломался на заболеваниях органов пищеварения. Пробормотал что-то вроде «мне пора» и рванул на выход. Пока он переобувался, я продолжала трюндеть:

– Воспаление желудка – это гастрит, раньше его катаром называли. А дуоденит – это воспаление поджелудочной железы. Плохо, когда они вместе выступают, как у меня – гастродуоденит. Лечение трудно подобрать, потому что воспаление печени – холецистит – многие лекарства исключает.

– Вы... это... выздоравливайте! – попрощался Василий Петрович и рванул вниз по ступенькам, как ошпаренный.

А я испытывала легкое чувство досады из-за невысказанного. Напрасно читала про заболевания нервной системы, толстого и тонкого кишечника, столько могу поведать про врожденные вывихи...

Визиты Василия Петровича, ясное дело, прекратились. Мои сыновья удивлялись: «Станный этот Василий Петрович. Каждый раз, когда во дворе сталкиваемся, он спрашивает, как здоровье мамы, качает головой и скорбно добавляет: какая женщина!» Со мной Василий Петрович здоровадается издали, мы ручкой друг другу машем. Наверное, боится, что я схвачу его за грудки и буду терзать каким-нибудь менингитом.

Богатый опыт общения с сантехниками привел к тому, что, как только намечается визит слесаря в нашу квартиру, я под любыми предлогами стараюсь улизнуть из дома.

В лифте

Дом был старый, и лифт в нем – допотопный. Прямоугольная шахта лифта располагалась в колодце серпантина лестничных пролетов. В отличие от современных, скрытых в теле здания, она смотрелась стыдно нагой, как старушка в дореволюционном купальнике на пляже. Чтобы зайти в лифт, надо было нажать на ручку железной двери на этаже, затем распахнуть створки-ставни собственно дверей лифта, проследить, чтобы сверху на них опустилась горизонтальная перекладина, и только затем нажимать на кнопку. Когдаходишь в лифт, пол с характерным «грюк!» слегка опускается, сантиметров на пять.

На отсутствие «грюк!» и проседания пола я не обратила внимания, потому что вместе со мной в лифт вошел мужчина. Я работаю в школе, преподаю русский язык и литературу в пятых и шестых классах. Тысячу раз на классных часах, посвященных основам личной безопасности, говорила детям: «Никогда не входите в лифт с незнакомыми мужчинами! Никогда!»

– Вам на какой этаж? – спросил мужчина, стоя вполоборота и протянув руку к пульту на стене.

– На четвертый.

– Мне выше. Кажется, это четвертый, – надавил он на кнопку.

Сомнения понятны: над пультом надругалась рука варвара, кнопки были сожжены, обуглены, расплавлены, цифр на них не различишь. Не исключено, что я отлично знаю этого варвара. «Панкина работа», – подумала я.

Гриша Панкин – наказание, исчадие 6-го «Б». Моя, классного руководителя, головная боль. Да и всех учителей от одного слова «Панкин» начинает бить мелкая дрожь, а в глазах загорается недобрый огонь.

Гриша неуправляем. Во время урока он может нахально свистеть, бросать бумажки, щипать девочек, передразнивать учителя. Если его вызывают к доске, то ответ превращается в представление под хохот класса. Панкин глух к крикам (уж на него орали, будь здоров!), бесстрашен и злобен. Однажды, выйдя из себя, учитель ботаники схватила Гришу за ухо и потащила к выходу из класса. Панкин извернулся и вцепился зубами ей в руку. До крови прокусил, перевязку пришлось делать.

Только на первый взгляд кажется, что в арсенале учителя много способов воздействия на детей. В действительности дисциплина держится на страхе и уважении учеников к учителям. Когда эти две составляющие отсутствуют, как в случае с Панкиным, то начинаются хаос, брожение в массах, урок превращается в мучение.

Ну что делать с хулиганом? Кричать на него – как об стенку горох. В угол поставить? А он не хочет, не желает в углу стоять! Насильно не удержишь! Выгнать из класса? О, это – мечта! Только ведь учитель отвечает за здоровье ученика и его благополучие во время своего урока. В пятнадцатой школе выгнал учитель буяна с урока, тот пошел шляться по улице, попал под машину. Учителя – под суд. Никому не хочется из-за Панкина в тюрьму садиться.

Конечно, есть главный рычаг воздействия на ребенка – родители. Кто с ними обязан дело иметь? Классный руководитель, то есть я. На меня все шишки, обиды коллег, призывы что-то делать. Отца у Гриши Панкина нет, воспитывает его мать. Очень странная женщина. После общения с ней невольно приходит мысль о легком аутизме, то есть неспособности входить в эмоциональный или вербальный контакт с людьми. Мать Панкина, Елизавету Григорьевну, в школу вызывали: я – бессчетное количество раз, завуч и директор – неоднократно. И никто не сумел расшевелить ее, заставить переживать, нормальной человеческой реакции не добились. Смотрит не в глаза, а по диагонали, в угол у тебя за спиной. Отвечает односложно: да, нет, да, нет.

Педагоги в разговорах с мамашей не напирали на то, что Панкин у нас уже в печенках сидит. Речь вели о благе самого ребенка.

– Вы понимаете, что если Гриша не изменится, не начнет уважать интересы других людей, не усвоит, что для достижения любой цели надо потрудиться, то мальчика ждет печальное будущее?

– Да.

– Вы знаете, как воздействовать на своего сына?

– Нет.

– Давайте подумаем вместе. Что Гриша любит? Что его интересует, увлекает?

Молчание.

– Может, спорт?

– Нет.

– Рисование, шахматы, автомобили?

– Нет.

– Но вас-то он любит, уважает?

– Да.

– Готов ли он, чтобы вас не расстраивать, изменить поведение?

– Нет.

– Послушайте! Вы отдаете себе отчет, что ваш сын растет антисоциальным элементом, что он может стать бандитом, преступником? – Да.

– Надо же что-то делать!

Молчание, взгляд в угол.

С таким же успехом можно общаться с замороженной рыбой или со статуей.

Когда-то я свято верила в педагогику, поклонялась педагогическому богу, который внушал своим апостолам (учителям), что в пастве (учениках) изначально заложены прекрасные качества, впоследствии исковерканные жизненными обстоятельствами. Поэтому ученик дерзит и хулиганит, а в глубине души он – ангел. Задача учителя – убрать вредные напластования, дать ангелу кислород, пробудить к жизни.

Но у Панкина Гриши мне не удавалось обнаружить маленькой щели к заточенному ангелу. В разговорах с глазу на глаз, которые могли бы стать душевными, Панкин наглухо замыкался, точь-в-точь как его мамаша. Насупленный, колючий, злой мальчишка, сгусток отрицательной энергии в крепкой броне – не достучаться, не доцарапаться, не добиться.

Два года я стояла за баррикадой, защищающей Гришу Панкина от коллег-учителей. Говорила, что мы не нашли к нему ключика, что нельзя, стыдно расписываться в педагогической беспомощности. Но после двух лет мучений баррикада рухнула, я была вынуждена признать поражение, сдаться, поднять руки.

Тридцать учеников 6-го «Б» должны получать знания и навыки, а не страдать из-за одного негодяя. Педагоги, на мизерной зарплате, больше на энтузиазме, на ответственности перед будущим детей работающие, не должны последние нервы тратить на паршивую овцу – Панкина.

Решено было перевести Гришу Панкина в специнтернат для детей с отклонениями, с задержкой в развитии. Попросту – к дебилам. Потому что в интернат для детей-преступников Панкин не проходил – не было судебных дел или приводов в милицию. Хотя ему самое место среди заключенных! Привлекли психологов, составили заключение, кучу бумаг оформили.

В дом, где жил Панкин, я пришла, чтобы его мамаше объяснить на пальцах: либо вы переводите сына в другую школу, либо мы отправляем его в специнтернат. Последний всплеск сочувствия к Грише. Поймет ли его мать, что надо хватать документы и бегом нести их в другую школу? Ведь интеллектуально Гриша не кретин и не дебил, по письменным работам у него

твердая тройка, чуть напрягся бы, и верным хорошистом или даже отличником стал. А мы его – к олигофренам!

Одного ребенка на заклатие ради блага остальных трех десятков. Справедливо? Тысячу раз я задавала себе этот вопрос. Но ответ не находила. Потом решила: мать Панкина, Елизавета Григорьевна, – вот кто обязан ответить. С ней состоится разговор. И даже если Елизавета Григорьевна опять останется безучастной, не стану себя казнить. Сделала все, что могла.

Лифт дернулся и пополз вверх. Поднялся на несколько метров, снова задержался и остановился.

– Только этого не хватало! – воскликнул мужчина, мой попутчик.

Повернулся ко мне. Симпатичный, даже импозантный, как заметила бы моя подруга – учительница химии и большой знаток мужского пола. Русые с рыжиной борода и усы, густые и аккуратно подстриженные. А на лбу – глубокие залысины. Кого-то напоминает... Не артиста... Кого-то важного и забытого...

Владимир Ильич Ленин и последний российский царь Николай в одном облике. Точно! У меня привычка отыскивать сходство в лицах. Повторяемость черт внушает иррациональную надежду на познаваемость людей. Стоит изучить типы, и ты легко будешь ими манипулировать. Но повторялись только взрослые человеческие особи, перевалившие за тридцатилетний пик. Дети не дублировались никогда. Дети – это вечное чудо.

Что за мысли лезут в голову в подобных обстоятельствах? Застрять в лифте с незнакомым мужчиной!

Он давил на кнопку, на которой предположительно должно быть написано – «вызов». Безрезультатно. Маленькая, десять на пять сантиметров, решетка над пультом – динамик, микрофон, или как его, способ связи с диспетчером, – оставалась мертвой. Мужчина стал давить, чертыхаясь, на все кнопки подряд. С тем же успехом. Мы были наглухо закупорены в допотопном лифте, отрезаны от связи с внешним миром, что стало ясно после нескольких минут упражнений с кнопками.

– Надеюсь, не страдаете клаустрофобией? – спросил обладатель ленинско-царской бородки.

– Нет.

«А у вас эффекта кабины, надеюсь, не наблюдается?» – подумала я.

«Эффектом кабины» в студенчестве мы называли состояние невыносимой потребности бежать в туалет по маленькому, которое накатывало в лифтах. Вполне объяснимо: маленькая кабина вызывала желание, справляемое в туалете, – такой же по размеру комнатке. Все, как у собак Павлова.

– Вы здесь живете? – продолжал расспросы мужчина.

– Нет.

– У вас есть сотовый телефон?

– Нет.

– Дьявол! И мой сдох, забыл вчера зарядить аккумулятор. Что же делать? Идиотская ситуация! Послушайте, перестаньте смотреть на меня как на насильника! Я не собираюсь вас... помогать, – не сразу подобрал он слово.

Мне стало неловко за подозрительно-настороженный вид.

– Вы тоже не местный?

– Работаю в фирме, которая устанавливает пластиковые окна, стеклопакеты. В квартире на шестом этаже ремонт, я туда направлялся, чтобы сделать замеры. Здесь раньше, наверное, были коммуналки, теперь их расселяют, большие квартиры приобретают богатенькие.

Гриша Панкин с матерью жил как раз в коммуналке, в узкой и длинной, похожей на пенал, комнате. Если их квартиру расселят, то замена школы будет вполне логичной.

– Давайте знакомиться, раз такое дело. Меня зовут Виктор.

– Елена.

– Спасение утопающих, как и спасение замурованных... Ну, что, Елена, будем пытаться выбраться?

– А как?

– Сломав, к чертовой бабушке, этот лифт. Ну не сидеть же нам в нем до конца света?

Виктор встал на цыпочки (он был невысокого роста) и принялся поднимать планку, которая удерживала сверху створки дверей. Планка не поддавалась, пальцы Виктора соскальзывали, не удавалось крепко захватить деревяшку.

– Подвиньтесь! – Я стала рядом и тоже начала отдирать планку. – А мы не рухнем вниз? – Вряд ли. Да и падать не высоко, по-моему, до второго этажа мы не доползли.

Через несколько минут общими усилиями мы сломали-таки запор планки, распахнули створки дверей. Лифт застрял на подъезде к лестничной площадке. Пол располагался на уровне моего подбородка. Если бы кто-то открыл металлическую дверь лифта на этаже, он бы увидел две головы у себя под ногами. Точно футбольные мячи или арбузы, закатившиеся под столешницу.

– Что дальше? – спросила я.

– Надо звать на помощь.

– Начинайте.

– Э-гэ-гэй! – откашлялся и раскатисто крикнул Виктор. – Люди! Кто-нибудь! Народ! Помогите! Мы застряли!

Он кричал минут пять, устал. Потом я заступила на вахту.

– Ау! – тянула с подвываниями, задрав по-собачьи голову. – Ау! Товарищи! Вы слышите меня? На помощь! Придите! Ау!

Никто не откликнулся и не пришел нас спасать. Народ точно вымер. Или сидел за дубовыми дверями квартир, не слышал воплей о помощи.

– Бесполезно орать, – горестно вздохнул Виктор. – Надо ждать, пока хлопнет дверь, кто-то выйдет из квартиры или войдет в подъезд.

Ждать пришлось больше часа. Уселись на пол, подстелив газеты, которые Виктор вытащил из своего портфеля. Виктор спросил, что занесло меня в этот дом. Хотела отделаться односложным ответом, но слово за словом подробно рассказала про Панкина. Надо было поддерживать беседу, сидеть молча на полу лифта совсем уж неловко, а «детская» тема универсальна.

– Безотцовщина, – сделал вывод Виктор. – Некому мальца пороть.

– Бить ребенка – это не метод.

– Отличный метод, проверенный. «Педагогическую поэму» читали? Конечно, читали. И с чего у Макаренко начались успехи? С того, что он отвалтузил своих беспризорников. Как шелковые стали.

– У вас есть дети?

– Дочери четырнадцать лет.

– Вы ее наказываете ремнем?

– Во-первых, девочки – другая статья. Во-вторых, тоже надо в строгости держать. Недавно заявляет: хочу пирсинг сделать. Три дырки в ушах и пупок проколоть, серьгу повесить. Я вот так кулак, – Виктор показал наглядно, – поднес ей к носу и сказал: будешь под папуаса подстраиваться, я тебе все ребра пересчитаю.

– Помогло?

– А как же! Как все нормальные девушки, сделала по одной дырке на ухо. Я сережки подарил золотые с красными камушками... как его?... с рубинчиками.

– Носит?

Простой вопрос заставил Виктора задуматься. Он почесал макушку, развел руками:

– Вроде.

– Скажу вам как педагог, ежедневно имеющий дело с подростками. Если ваша дочь носит старомодные золотые сережки с рубинчиками, значит, либо она – исключительно сильная личность, выдерживающая насмешки подруг с пирсингом, либо задавленная страхом перед вами несчастная девочка.

– А ведь точно! – почесал бороду Виктор. – Не видел у нее в последнее время моих сережек.

– Что и требовалось доказать.

– Между прочим, у вас самой дети есть?

– Двое. Сыну десять. А дочери...

Не успела договорить, как хлопнула, железно звякнула дверь подъезда. Мы одновременно вскочили на ноги. Кричали, перебивая друг друга:

– Сюда! На помощь! Мы застряли! Пожалуйста, помогите!

– К лифту! Подойдите к лифту! Кто там? Эй! Спасайте!

И замолчали вместе, прислушиваясь. Раздался звук дерганья за ручку двери лифта. После нескольких попыток дверь распахнулась. Нашему взору предстали старенькие кроссовки и потрепанные края джинсов. Их обладатель присел на корточки и уставился на головы пленников.

– Елена Петровна?

– Панкин! Гриша!

Легок на помине! Не успела ничего сказать, как Виктор приказал:

– Пацан! Быстро! Пулей лети к диспетчеру ЖЭКа и скажи, что мы застряли.

Гриша на него ноль внимания.

– Елена Петровна, а чё вы тут делаете, а?

– Шла к твоей маме, – вынуждена была честно признаться, – но, как видишь, лифт сломался.

– А зачем вам моя мама?

– Гриша! Не думай, я не собиралась на тебя жаловаться...

– Да что вы антимонии разводите? – перебил Виктор. – Кому сказано? Лети...

– Гриша, позови, пожалуйста, свою маму. – Теперь я перебила Виктора.

– Ее дома нет.

– Гришенька, она дома. Я разговаривала с ней два часа назад, предупредила о своем визите.

Это было очень неудобно: разговаривать с мальчиком, сидящим на корточках, когда твоя голова находится на уровне его ступней. – Слушай, ты, мелкий! – встрял Виктор. – Тебе русским языком сказано: позови взрослых! Двигайся!

– Ага, сейчас! – выпрямился Гриша. – Разбежался!

Мы увидели удаляющиеся кроссовки.

– Что вы наделали! – тихим злым шепотом проговорила я. – Как с ним разговаривали! Никуда он не пойдет и никого не позовет!

– То есть как это? Он что, больной?

– Битый час вам рассказывала, какой это сложный ребенок.

– Да нет! – в сомнении покачал головой Виктор. – Сейчас он кого-нибудь приведет.

– И не надейтесь!

Через десять минут томительного ожидания стало ясно, что я абсолютно права, никто не спешил нас вызволять.

– Этот Гриша у меня получит! – обещал Виктор и постановил: – Будем сами вылезать. – Как?

– Дверь открыта. Я приседаю, вы становитесь мне на плечи, распрямляюсь – выкарабкиваетесь наружу. Потом меня вытаскиваете.

На мне была юбка. Мягко говоря, не та одежда, чтобы становиться на плечи незнакомому мужчине. Поэтому я выдвинула встречное предложение:

– Давайте наоборот? Я вас поднимаю.

– Восемьдесят килограммов живого веса? – в сомнении покачал головой Виктор.

Еще десять минут ему понадобилось, чтобы уговорить меня принять его план. Как назло, в подъезде более никто не появился. Да и мне стало уже не до стеснения, только бы выкарабкаться из ловушки.

Когда Виктор меня поднял (нечто цирковое, акробатическое), я плюхнулась животом на пол лестничной площадки. Виктор схватил меня за лодыжки и с силой послал вперед. Проехала пузом (то есть новым бежевым костюмчиком) полметра, собрала грязь. Встала на ноги.

Какое же это счастье – быть свободной!

Попытки вытащить из лифта Виктора кончились полным крахом. Присев, захватывала его кисти, тянула, но Виктор даже ступни не отрывал от пола.

– Зови на помощь, – перешел Виктор на «ты». – На шестом этаже, квартира семнадцать, должны быть ремонтники, мужики.

Почему-то по лестнице я бежала, точно минуты промедления могли пагубно отразиться на сокамернике.

– Пойдемте! Скорее! – призывала двух мастеров в пыльных комбинезонах. – К вам должен был прийти инженер по окнам. Так вот! Он застрял в лифте. Я с ним тоже, но он меня вытолкнул. Пожалуйста, пойдемте!

Строители смотрели на меня, взлохмаченную, перепачканную, с удивлением, кажется, ничего не поняли из моей сумбурной речи, но все-таки послушно отправились оказывать помощь.

И они вытащили Виктора не на раз-два-три, а с трудом! Каждый держал двумя руками кисть Виктора, тянули, чуть суставы ему не выдернули. Виктор ногами перебирал по сетке, помогал.

«Какое вранье!» – подумала я, вспоминая сцены из фильмов, где герои, вывалившись из небоскреба, держатся одной рукой за карниз, а потом, легко запрокинув ногу, перекидываются внутрь здания. Или висят над пропастью, пальчиком ухватившись за выступ, подбегает субтильная девушка и с картинным смазливym напряжением, одной рукой (!) спасает героя. В подобные сказки никогда более не поверю. Кино!

– Спасибо, мужики! – поблагодарил Виктор строителей. – Сейчас я к вам приду. Дело одно есть. В какой квартире эта шпана живет? – спросил он меня.

– Зачем вам?

– Вы говорили, на четвертом этаже? Пошли!

И стал подниматься по ступенькам. Я потрусила следом, продолжая спрашивать, что Виктору нужно от мальчика.

На площадке четвертого этажа Виктор двумя большими пальцами резко показал на квартирные двери справа и слева.

– Которая?

– Эта, – кивнула на правую. – И все-таки, Виктор, не понимаю, что вы задумали. Боюсь, вы можете...

– Не бойся! – перебил Виктор. – Сейчас мы справедливость будем восстанавливать.

На двери сбоку был прикреплен листочек с фамилиями в столбик:

Глазовы – 1 зв.

Воробьяненко – 2 зв.

Панкина – 3 зв.

Лазарь – 4 зв.

Виктор, не обращая внимания на инструкцию, давил на кнопку, не убирая пальца. Был слышен пронзительный, как у старых трамваев, звонок за дверью. Открыла мать Панкина. – Здравствуйте, Елизавета Григорьевна! Мне нужно с вами поговорить, а это... это... – не знала, как представить Виктора.

– Педагог Макаренковской школы, – ухмыльнулся он и, оттеснив Елизавету Петровну, шагнул в квартиру.

Можно было не спрашивать, какая дверь из шести по сторонам коридора вела в комнату Панкиных. Та, что открыта. К ней Виктор и направился. Остановился в проеме, мы с Елизаветой Григорьевной маячили у него за спиной.

В конце длинной, гробообразной комнаты, напротив двери располагалось окно. Возле него стоял стол, накрытый старенькой скатертью. За столом сидел Гриша и ел из глубокой тарелки кашу.

– Ну, здравствуй, голубь! – почти весело произнес Виктор.

– Чё? Чё надо? Вы кто?

– Твоя утерянная совесть. Давно ты ее потерял, щенок? Да вот нашлась! Сейчас будет тебя уму-разуму учить. Снимай штаны, Гриша!

Мальчик испуганно вскочил:

– Вы чего? Вы чего?

Виктор сделал несколько шагов вперед. С ужасом я увидела, поняла по движению локтей, что он расстегивает ремень, вынимает его из брюк. Гриша тоже, как замороженный, наблюдал за действиями Виктора.

В тесной узкой комнате мебель располагалась по стенкам, и передвигаться можно было только по тропинке в середине. Поэтому мы выстроились в затылок: Виктор, я, Елизавета Григорьевна.

– Снять штаны! – гаркнул Виктор.

Очевидно, его лицо было не менее грозным, чем тон. Потому что Гриша стал спускать джинсы, пролепетал:

– И трусы?

– Трусы можешь оставить, – позволил педагог Макаренковской школы.

– Да что же это такое! – возмутилась я. – Немедленно прекратите! Не позволю!

Хотела броситься вперед, но мешала Елизавета Григорьевна. Она повела себя более чем странно. Не дала мне протиснуться, вдруг схватила меня за талию, удержала:

– Пусть, не мешайте!

Родная мать приветствует экзекуцию над собственным ребенком! Где это видано?

– Да вы! Вы! – задохнулась я от негодования и неожиданно бросила в лицо Панкиной то, чего ни при каких обстоятельствах нельзя было говорить. Даже после длительного заточения в лифте: – Вобла замороженная! Спирохета, а не мать!.. Извините, пожалуйста!

Похоже, Елизавета Григорьевна оскорблений не услышала, она напряженно смотрела через мое плечо и крепко держала меня за пояс.

– Отпустите, в конце концов! Что вы себе позволяете!

Нет, клещами уцепилась.

Пока я безуспешно пыталась вырваться, за моей спиной что-то происходило. Как Виктор захватил Гришу, я не видела. Бросив сражаться с чокнутой мамашей, вывернула голову. Гриша был зажат под мышкой Виктора, лицом к двери. Рука экзекутора взлетала вверх и опускалась, сложенный вдвое ремень хлестал мальчика ниже спины. Гриша тихо, по-девчачьи пищал. Виктор приговаривал с каждым ударом:

– Будь человеком! – (Хлесть удар.) – Будь человеком! – (Хлесть.) – Не будь гадом!..

Как ни была я шокирована происходящим, мой услужливый учительский ум вспомнил, что в Англии во многих школах разрешены физические наказания детей. И статья одного

тамошнего педагога, воспевавшего кнут как действенное воспитательное средство, вспомнилась. Но в статье настойчиво, с апелляцией к детской психике подчеркивалось: хлестать розгами нужно конкретно, чтобы ребенок точно знал, за что страдает. Разбил стекло футбольным мячом – за стекло получи. Удрал с уроков – получи за самоволку. Не хочешь кашу есть – захочешь.

А Виктор порол Гришу неконкретно! В общем! – Будь человеком! – (Хлесть.) – Ты не пуп земли! – (Хлесть.) – Уважай других!

Я поймала себя на абсурдном желании подсказать Виктору: «Это тебе, Гриша, за биологию! Это – за русский и литературу! Это – за математику!..» Но ничего подобного, естественно, не произнесла. Воскликнула гневно:

– Виктор! Прекратите немедленно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.